

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953

Г. Д. ТЯГАЙ

ТРУДЫ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КАК ИСТОЧНИК ПО НОВОЙ ИСТОРИИ КОРЕИ

Значение трудов русских путешественников по Корее в последней четверти XIX в. для изучения ее истории не освещено в советской востоковедческой литературе.

В советской литературе по смежному вопросу имеется только одна статья В. Т. Зайчикова «Вклад русских ученых в исследование Кореи»¹, в которой подробно освещается значение трудов русских для изучения физической и экономической географии Кореи. Эта статья ставит целью показать, хотя бы частично, какой богатый материал для изучения новой истории Кореи содержится в работах русских исследователей этой страны.

Несмотря на тяжелую, кровопролитную борьбу, которую корейский народ вел на протяжении более чем трех лет, он уделял и уделяет огромное внимание воссозданию истории своей родины и, главным образом, истории национально-освободительного движения трудовых масс против японских и других иностранных колонизаторов.

За долгие годы своего господства японские империалисты извратили, фальсифицировали историю Кореи и ее свободолюбивого народа. Японские колонизаторы препятствовали изучению страны корейскими историками, уничтожали культурные памятники корейского народа, запрещали издание работ, правдиво освещающих историю Кореи, преследовали авторов этих трудов.

В этой связи особую ценность приобретают работы русских исследователей, посетивших Корею в последней четверти XIX и начале XX в. Эти труды составили значительную литературу

¹ См. журн. «Вопросы географии», № 6, 1948; эта статья В. Т. Зайчикова также включена и в его книгу «Корея». М., Госполитиздат, 1951.

не только по географии, этнографии и экономике, но и по истории Кореи (и отчасти по филологии). Изучение работ русских исследователей показывает, что в них собран большой и разнообразный фактический материал, проливающий свет на ряд существенных проблем истории Кореи, главным образом, новой¹. Монографии, дневники, донесения русских авторов, которыми мы располагаем, свидетельствуют не только об их огромном интересе к изучаемой ими стране, но и о доброжелательном отношении, о живой симпатии, проявлявшимися ими по отношению к корейскому народу.

Русские авторы неоднократно отмечали, что корейский народ, несмотря на его исключительное трудолюбие и способности, влачил жалкое существование. Бедственное положение трудовых масс они объясняли непосильным гнетом янбаней (корейские помещики, состоявшие на государственной службе.— *Г. Т.*) и королевских чиновников. Эта черта резко отличает труды многих русских путешественников от писаний американцев, японцев и англичан, заполненных расистскими измышлениями и клеветой на корейский народ.

Наблюдая тяжелую жизнь корейского крестьянина, англичанин Гамильтон цинично и нагло писал: «корейский крестьянин и вол составляют великолепную пару — оба они вычужные животные»².

80-е и 90-е годы XIX в. в истории Кореи — годы революционной борьбы трудовых масс против феодального и иностранного гнета, главным образом, японских и американских капиталистов. Однако эта важнейшая сторона новой истории Кореи либо совсем не нашла освещения, либо грубо фальсифицирована в иностранной буржуазной литературе. Так, о крестьянском восстании 1893 г. реакционный английский политический деятель Керзон писал только, что «на него (корейского крестьянина.— *Г. Т.*) находят моменты сильного, хотя и глупого отвращения к хваленому возрождению своей родины»³.

В работах же наших отечественных авторов собран ценный материал по истории освободительной борьбы корейского народа

¹ Мы не располагали достаточными материалами, позволяющими сколько-нибудь исчерпывающим образом охарактеризовать политическое лицо большинства авторов рассматриваемых работ, и в характеристиках русских исследователей Кореи нам пришлось основываться лишь на материалах их дневников и воспоминаний, непосредственно относящихся к Корею.

² Ангус Гамильтон. Корея. СПб., 1904, стр. 109.

³ Сборник топографических, статистических и географических материалов по Азии. Вып. 53, стр. 138. Под «возрождением» Кореи Керзон разумел «цивилизаторскую деятельность» японских колонизаторов.

в эти годы. Захватническая политика японских капиталистов, их наглое вторжение во все отрасли корейской экономики и политической жизни во многих случаях нашли правильное освещение в трудах этих авторов. В них показаны колонизаторские методы японских захватчиков, раскрыт истинный смысл пресловутых «реформ», направленных на порабощение корейского народа.

Интерес представляют также собранные в работах русских исследователей данные, показывающие проникновение американского капитала, который уже в прошлом веке поддерживал японских милитаристов.

Материалы «Краткого очерка истории Кореи» Дадешкалиани, «Поездки в Корею летом 1886 г.» Вебеля и работы Карнеева и Михайлова говорят о том, как после заключения американо-корейского договора (1882 г.) американские капиталисты, действуя руками своей агентуры—собственных миссионеров, японских захватчиков и корейцев из числа национальных предателей,—старались насаждать в Корею свое влияние.

В трудах русских авторов мы находим интересные описания жизни и быта корейцев, ценные сведения об их ремеслах, торговле, о домашних крестьянских промыслах. Эти материалы могут помочь изучению важнейших социально-экономических проблем: аграрных отношений в Корею конца XIX в., развития товарно-денежных отношений и роли национального рынка, влияния прекращения изоляции на положение народных масс и т. д. Изучение всего богатства тех сведений по истории Кореи, которые содержатся в трудах ее русских исследователей, позволяет сделать вывод, что к концу XIX в. Корея переживала острый кризис всей феодально-бюрократической системы. Единственной прогрессивной силой в стране были народные массы, бесстрашно боровшиеся против колонизации отечества японскими милитаристами.

* * *

Связи между Россией и Кореей довольно успешно развивались уже в 60-х годах XIX в., после того как к России, по соглашению с Китаем, в 1860 г. окончательно перешел Уссурийский край, и Россия стала соседом Кореи.

В последней четверти XIX в. капиталистическая Япония усиливает свою экспансию на азиатском материке. Корея являлась наиболее удобным военно-стратегическим плацдармом для осуществления агрессивных планов Японии. В 1876 г., бряцая оружием, Япония, тогда еще сама связанная неравно-

правными договорами, заставила корейское правительство подписать договор, неравноправный для Кореи.

Вслед за Японией, в 1882 г. США навязали Корею второй неравноправный договор. Англия, Россия и Франция также добились заключения таких же договоров с Кореей. Корея стала одним из объектов агрессии капиталистических держав на Дальнем Востоке, сопровождавшейся острой борьбой между агрессорами. Иными словами, Корея в 90-х гг. XIX в. оказалась на Дальнем Востоке в центре международных отношений, которые Ким Ир Сен охарактеризовал как яростную борьбу «между капиталистическими хищниками за рынки сбыта и сырья, подчинение и захват слабых стран сильными, ограбление колоний и полуколоний, Корея была,—по словам Ким Ир Сена,—одной из жертв этих отношений»¹. Наиболее агрессивную политику в этот период в отношении Кореи проводили капиталисты Японии и США.

Однако выполнению их планов мешало маньчжурское правительство Китая, с которым Корея издавна была связана вассальными отношениями. Развертывавшаяся борьба между Японией и Соединенными Штатами Америки, с одной стороны, и маньчжурским правительством Китая, с другой, не могла не затрагивать империалистические интересы царизма. Наличие общих границ между Россией и Кореей объективно создавало общность интересов у обеих стран: угроза границам Кореи являлась одновременно угрозой границам России.

Отсутствие железнодорожной связи с Дальним Востоком не давало царизму возможности обеспечить достаточную оборону этих границ. Поэтому царское правительство стремилось сохранить существующее положение в Корее и не допустить там усиления враждебного влияния.

В силу своей военной и финансовой слабости, удаленности Дальнего Востока от центра царская Россия в 80-х и начале 90-х гг. XIX в. не могла и помышлять о захвате Кореи и вследствие этого не преследовала в отношении ее агрессивных целей.

Корейское правительство перед лицом опасности, надвигавшейся со стороны Японии, неоднократно искало защиты у России. Так, например, в 1885 и 1886 гг. оно обращалось к царскому правительству с просьбой об установлении русского протектората над Кореей.

¹ Ким Ир Сен. Пролетарский интернационализм и борьба корейского народа. «За прочный мир, за народную демократию!», 25.IV 1952.

Однако эти предложения были решительно отклонены Петербургом, так как царское правительство опасалось обострения отношений как с Маньчжурским правительством Китая, за спиной которого стояла Англия, так и с Японией.

Корейский народ, неоднократно страдавший от разбойничьих опустошительных нашествий иноземных захватчиков, глубоко ненавидел японских колонизаторов. С появлением в Корее американских и английских капиталистов и их агентов — миссионеров, эта враждебность обратилась и против этих иностранных колонизаторов, поддерживавших японских захватчиков. В то же время народные массы Кореи с глубоким доверием и симпатией относились к русским, посетившим Корею.

Это объяснялось рядом причин.

В конце 60-х годов XIX в. уже установились тесные связи между русским и корейским народами. Начало этому положили корейские переселенцы в 1863 г., заселявшие Приамурскую область. Сотни крестьянских семей, спасаясь от нищеты, голода, гнета помещиков и королевских чиновников, бежали на русскую территорию. Братское отношение русского народа, русских крестьян способствовало возникновению дружбы с корейскими переселенцами. Вести об этом проникали на их родину и укрепляли веру корейского народа в помощь и поддержку его великого соседа.

Между Россией и Кореей торговые отношения установились еще в период внешнеполитической изоляции Кореи¹. Вдоль всей русско-корейской границы велась меновая торговля.

После заключения в 1884 г. русско-корейского торгового договора экономические связи стали укрепляться.

Русские ученые приступили к исследованию и научному изучению Кореи еще в период внешнеполитической изоляции этой страны. В 1805 г. знаменитый русский мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, совершив кругосветное плавание, собрал ценные сведения о Корейском полуострове. Новые данные экспедиции Крузенштерна исправляли и дополняли сведения французского мореплавателя Лаперуза и капитана британского флота Броутона, собранные ими в конце XVIII в.²

¹ В конце XVI в. Корея неоднократно подвергалась разбойничьим нашествиям орд японских самураев во главе с Хидэеси. В начале XVII в. на Корею напали маньчжуры. Эти грабительские войны, навязанные корейскому народу, разорили и опустошили страну. Корейское правительство в середине XVII в. перешло к политике внешнеполитической изоляции, т. е. закрыло Корею для сношений с иностранными государствами. Были изданы специальные законы, запрещающие корейцам под страхом смертной казни вступать в сношения с иностранцами.

² См. В. Т. З а й ч и к о в. Корея. Географиздат, 1952, стр. 47.

В 1854 г. фрегат «Паллада», на борту которого находился писатель И. А. Гончаров, во время перехода из японского порта Нагасаки на Сахалин обследовал побережье и прибрежные воды Кореи. В путевых заметках И. А. Гончарова немало замечательных страниц посвящено описанию флоры и фауны полуострова, а также быта его населения.

Знаменитый исследователь Азии Н. М. Пржевальский, путешествуя по Уссурийскому краю, обратил внимание на деревни корейских переселенцев. Его заинтересовали их жизнь, быт, обычаи, религия, поразили их «услужливость, вежливость, трудолюбие», которые «... составляют... исключительную черту корейцев»¹. Впечатления от посещения корейских поселений Пржевальский записал в «Путешествии в Уссурийском крае», где он отмечал, что «пример всех этих переселенцев сильно действует на пограничное корейское население, так что и теперь еще есть много желающих переселиться к нам»².

В октябре 1867 г. Н. М. Пржевальский, несмотря на изоляцию Кореи, посетил пограничный город Кёнхын (Кыген-Пу).

С прекращением политики изоляции страны и установлением дипломатических отношений с Россией началось систематическое исследование Кореи, главным образом ее северных и центральных районов, русскими путешественниками.

Первым русским путешественником, посетившим Корею, был купец П. М. Делоткевич. В декабре 1885 г. Делоткевич отплыл из Владивостока на корабле «Шевелев» и через Нагасаки прибыл в корейский порт Пусан, а затем в Инчхон. Свое путешествие по Корее он совершил пешком. Прибыв в Сеул, Делоткевич направился оттуда на север и прошел более 1500 км. Он посетил Вонсан, Хамхын, Хончён, Пукчхен, Танчхен, Кильчжу, Менгчхен, Кэсон и ряд других городов³.

Впечатления от посещения Кореи он подробно записывал в дневнике, который позднее был опубликован в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии». Хотя Делоткевич особенно интересовался состоянием торговли в Корее, его воспоминания далеко выходят за пределы этих узких рамок.

Автор «Дневника на пути пешком из Сеула в Посыет» описал ужасающую бедноту корейского крестьянина. Он

¹ Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. М., Географиздат, 1947, стр. 100.

² Там же, стр. 97.

³ Транскрипция географических названий в основном приводится, которой пользовались русские исследователи конца XIX в. в рассматриваемых работах.

оставил нам и свои наблюдения очевидца о положении рабочих золоторудных шахт близ Яхына. По его сведениям, всех корейцев здесь до 2000 человек, которые работают партиями от 5 до 10 человек в каждой пади. «Говорят, что это хороший прииск, но корейцы рабочие получают очень мало, все идет чиновникам, которые сбывают золото японцам в Гинзане (Вонсан.— Г. Т.). ...Рабочий народ очень бедный и голодный»¹.

Материалы дневника Делоткевича показывают, что богатейшие полезные ископаемые Кореи были средством обогащения корейских феодалов и иностранных колонизаторов. Для добычи золота и серебра требовалась особая санкция правительства. Промыслы находились в ведении начальников округов и губернаторов провинций, и только с их особого разрешения и за соответствующую крупную мзду представители торгового капитала получали у правительства права разработки золотых приисков.

Делоткевич с большой теплотой рассказывает о проявлении исключительного интереса к русским путешественникам со стороны корейцев: «Едва я вошел в город, как со всех сторон поднялся крик «ораси» (русский)... и народ массою двинулся за мной, не давая никому прохода»². В городе Пукчане повторилась та же история... «улицы были буквально переполнены народом, который знал от полицейского, что сегодня вечером придет русский». Автор сочувственно относится к трудолюбивому корейскому народу, стонущему под непосильным гнетом корейских феодалов. Приводя весьма подробные описания отдельных городов и сведения о состоянии дорог и торговли, Делоткевич неизменно возвращается к основной теме, пронизывающей весь его дневник — показу жизни трудовых слоев населения Кореи. Однако автор в своем описании прошел мимо того, что японские капиталисты стремились подчинить своему влиянию экономику Кореи. В отличие от других русских путешественников Делоткевич не пытался вскрыть причины тяжелого положения жизни трудовых масс Кореи.

В 1885 г. Корею посетил Дадешкалиани, состоявший на службе при канцелярии Приамурского генерал-губернатора. По возвращении Дадешкалиани опубликовал «Краткий очерк

¹ См. «Дневник П. М. Делоткевича на пути пешком из Сеула в Посыет через северную Корею 1885—1886 гг.»—«Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Вып. 38, СПб., 1889 (в дальнейшем эта серия цитируется как «Сборник материалов по Азии»).

² См. «Дневник П. М. Делоткевича...», «Сборник материалов по Азии», вып. 38, стр. 147—150.

современного состояния Кореи»¹. В первом разделе своего очерка автор дает очень беглые сведения по древней и средневековой истории Кореи; во втором разделе приводится подробное описание морского пути из Нагасаки в Инчхон и географический обзор средней полосы Корейского полуострова. Здесь имеется детальное описание его флоры, фауны и полезных ископаемых. В разделе «Население и общественный быт» автор рассказывает о характере, религии, обычаях корейцев и делает попытку показать классовое деление корейского общества. Отношение Дадешкалиани к корейцам коренным образом отличалось от расистских взглядов западноевропейских миссионеров. По наблюдениям Дадешкалиани «корейцы остроумны, подвижны, впечатлительны, любознательны. Отличительная черта корейцев — миролюбие, добродушные...»²

Причиной тяжелого положения корейского народа он считал гнет господствующего класса. «Обиравательство лежит в основании корейского обычного права; господство одних классов над другими, рабство, народное бесправие, централизация власти — все это тяжело давит сельчан. Самое ужасное зло в стране — это кастовое подразделение ее обитателей»³.

Наблюдая ужасающую нищету и полное политическое бесправие корейского народа, Дадешкалиани считал, что трудовые массы находятся на положении рабов. Он отмечал, что рабство, существовавшее в Корее, «самое безобразное явление в королевстве»⁴. По его мнению, «... эти несчастные одни составляют действительно трудящийся класс, кормят потом своего лица все остальные десять миллионов... Между тем, за ними не признается никаких человеческих прав, никакой собственности»⁵.

Пытаясь объяснить причины массовой эмиграции корейских крестьян на русскую территорию, Дадешкалиани писал, что ответ на это надо искать в «социальном строе в Корее». «Мнение, что будто корейцы переселяются к нам вследствие тесноты и непроизводительности земель в их отечестве не выдерживает критики»⁶.

В разделе «Государственное устройство» довольно подробно описывается государственный строй королевства, детально

¹ См. Д а д е ш к а л и а н и. Краткий очерк современного состояния Кореи. «Сборник материалов по Азии», 1884, вып. 22.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 81.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

характеризуется деятельность каждого из корейских ведомств, административное деление страны и состояние дорог. Интересные сведения собраны Дадешкалиани и о состоянии вооруженных сил страны, ее финансов, ввозе и вывозе.

В «Очерке политических переворотов в связи с развитием международных отношений» автор правильно осветил политику Японии в корейском вопросе, ее стремление закабалить корейский народ и превратить эту страну в колонию.

Апологеты японских, американских и английских колонизаторов в своих лжеисториях восхваляли «цивилизаторскую миссию» Японии, которая в 1876 г. «открыла Корею». Так Деннет — «знаток» дальневосточной политики США, проповедующий человеконенавистнические мальтузианские теории, писал: «Япония должна иметь отдушину для возрастающего населения...»; он же утверждал, что «японский контроль должен заменить китайское влияние»¹.

По-иному расценивал это событие Дадешкалиани: «Япония, — писал он, — раскрыла пасть, чтобы тихо, без шума проглотить Корею»². Автор собрал ценные сведения о японской колонизаторской политике и предательской роли американских капиталистов. В ноябре 1884 г. в Сеуле произошел прояпонский переворот. Японские милитаристы и их агенты-корейцы из так называемой прояпонской «партии» свергли правительство и захватили власть. Подробно останавливаясь на этом событии, Дадешкалиани подчеркнул, что японские агрессоры были не одиноки в их попытках захватить власть в Корее.

В заговоре, организованном японскими захватчиками, деятельное участие принимали и сотрудники американской миссии. «Американский посланник оказался на стороне японцев (в заговоре. — Г. Т.). Поневоле приходится согласиться с тем ходячим в Сеуле мнением, что американский посланник генерал Фут действовал заодно с Японией»³.

Таким образом, работа Дадешкалиани проливает свет на подлинный характер деятельности американских дипломатов в Сеуле и показывает, что они всецело поддерживали Японию в ее захватнических действиях в Корее.

После провала японского заговора в Сеуле вспыхнуло народное антияпонское восстание. В столице было убито несколько японцев. Японское правительство решило использовать

¹ Т. D e n n e t t. Roosevelt and the Russo-Japanese war. New York, 1925, стр. 97.

² Д а д е ш к а л и а н и. Ук. соч., стр. 111.

³ Там же, стр. 116.

это обстоятельство в качестве удобного предлога для навязывания войны Корею и Китаю. Только позиция русского правительства, выступившего против японской провокационной политики в Корею, предотвратила начало военных действий. Эти события тщательно обходят в своих «трудах» японские, американские и западноевропейские историки. Тем более необходимо, чтобы на них обратили самое серьезное внимание советские историки. Некоторые сведения по этому вопросу имеются у Дадешкалиани. Так, например, он сообщает, что «в самый разгар приготовлений японцев к войне, — секретарь русской дипломатической миссии в Токио, г. Шпеер едет в Корею и от лица своего правительства заявляет корейскому королю, что России нежелательна война на Корейском полуострове»¹.

Во время переговоров между Японией и Кореей для урегулирования конфликта русский посланник в Токио Давыдов добился от японского правительства заверения, «что оно не требует от Кореи территориальной гарантии»².

Дадешкалиани не ограничивается беспристрастным описанием различных событий из истории Кореи. Он обвиняет корейских феодалов, жестоко эксплуатирующих свой народ, пытается показать причины, благодаря которым корейский народ влечет нищенское существование. Дадешкалиани в своих комментариях разоблачает политику Японии и США в Корею.

В 1889 г. Корею посетил русский офицер Вебель. В его работе «Поездка в Корею летом 1889 г.»³ содержатся очень важные данные для изучения социально-экономического строя и положения корейского крестьянина в 80-х годах XIX в. При почти полном отсутствии сведений, характеризующих аграрные отношения в корейской деревне XIX в., материалы, имеющиеся у Вебеля, приобретают особую ценность. Так, например, он сообщает, что кроме крестьян, арендующих земли у помещиков, в Корею имеется множество крестьянских семей (в местностях, прилегающих к Косану, автор насчитывал 300 таких семейств, охватывающих 3100 человек), которые не в состоянии были платить арендную плату помещику и уходили в горные районы. Они вели хозяйство на так называемых «огненных полях»⁴; урожая с которых не хватало даже на полуголодное

¹ Д а д е ш к а л и а н и. Ук. соч., стр. 118.

² Там же.

³ В е б е л ь. Поездка в Корею летом 1889 г., «Сборник материалов по Азии», вып. 41, СПб., 1890.

⁴ «Огненные поля» — поля, которые обрабатывали крестьяне, не имеющие средств арендовать землю и убежавшие в горы. Они выжигали

существование¹. Вебель собрал кроме того данные о количестве земли, приходящейся на крестьянский двор. Он видел «около 300 дворов (крестьянских. — Г. Т.), не значащихся в официальных списках и не обладающих никакою платежною способностью»². По наблюдениям Вебеля — рогатый скот считался непозволительной роскошью в хозяйстве бедняка.

Вебель отмечал исключительное трудолюбие корейских крестьян, которые обрабатывали землю с помощью самых примитивных сельскохозяйственных орудий. «Труд, которым кореец добывает свой хлеб от земли, действительно велик»³. Его удивляло отсутствие в Корее лугов или выгонов, так как вся земля, пригодная для земледелия, была засеяна и распахана; даже крутые скаты гор не оставались без обработки крестьянами, борющимися с голодом. Малейший клочок земли считался драгоценностью. «Верилось бы с трудом, — восклицал Вебель, — если б не видел сам, как на земляной крыше произросла посеянная чумиза, если б не слышал сам, как в той фанзе, которая была под этой крышей, раздавались вопли и детские крики от голода»⁴.

В феодальной Корее большое распространение получили так называемые «запасные магазины» — одно из орудий правительства для ограбления народных масс. «Запасные магазины» должны были давать крестьянам ссуду зерном под проценты до нового урожая. Вебель знакомит нас с корейскими «запасными магазинами».

Автор приводит очень ценные сведения о непрерывавшейся борьбе корейского народа против феодального гнета. В книге рассказывается о том, как жители города Кён-хына, возмущенные домогательствами главы города, прогнали его. «Овладев городом, толпа разнесла поместье пусая и установила собственное самоуправление, требуя от правительства назначения нового пусая, менее алчного»⁵.

Для выяснения политики американских капиталистов, пытавшихся уже тогда утвердить свое влияние в Корее, существенное значение имеют приведенные Вебелем сведения об американо-корейском соглашении 1887 г. и о присылке в корейскую армию американских военных инструкторов. По сведениям автора, в марте 1888 г. в Корею «прибыло три американских офи-

ли на пустырях кустарники, траву и обрабатывали землю, что строго преследовалось правительством.

¹ Вебель. Ук. соч., стр. 164.

² Там же, стр. 162.

³ Там же, стр. 165.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ Там же, стр. 208.

цера, генерал Дай, полковник Кемпбелл и генерального штаба майор Ли»¹. Посылка инструкторов явилась одним из способов установления влияния США в Корею.

Наблюдая деятельность американских военных в Корею, Вебель делает вывод, что их надежды не оправдались. Американцы в корейской армии не пользовались ни доверием, ни популярностью².

Вебель уделял большое внимание также и освещению японского проникновения в Корею. Так, например, он сообщает, что только в одном открытом порту Вонсане из 22 торговых фирм было 18 японских³. Интересны цифровые данные Вебеля и по внешней морской торговле.

В целом работа Вебеля является серьезным источником для изучения истории и экономики Кореи XIX в.

В августе 1895 г. в Корею отправилась экспедиция во главе с членом русского географического общества А. Г. Лубенцовым. Кроме Лубенцова, в экспедиции участвовал его помощник и четыре казака. Путешественники продвигались по трудно-доступным и неисследованным районам Северной Кореи. За пять месяцев они прошли более двух тыс. километров. Путь экспедиции лежал через г. Кильчжу на северо-запад в Хапсу и далее в г. Капсан. Из Капсана маршрут экспедиции проходил через горные перевалы Капсанского и Граничного хребтов; далее экспедиция проследовала от г. Кансе в направлении Ычжу, куда путешественники вышли по долине реки Амноккан. Двигаясь по этому маршруту, экспедиция посетила ряд городов и прибыла в Пхеньян. После непродолжительного пребывания в Пхеньяне путешественники перешли на приморскую дорогу у Вонсана и вернулись к русской границе.

Научные результаты исследования Северной Кореи русский ученый географ Лубенцов изложил в своем капитальном труде «Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи».

В 1894 г. японские милитаристы навязали войну Китаю с целью захвата Кореи.

В июне 1894 г. территория Кореи превратилась в театр военных действий, а в конце сентября Корея была оккупирована японскими войсками. Война 1894—1895 гг., навязанная японскими милитаристами Корею и Китаю, принесла страшное разорение и голод корейскому трудовому народу.

¹ Там же, стр. 190. В других работах иностранных буржуазных авторов не упоминается об этом соглашении.

² См. Вебель. Ук. соч., стр. 190.

³ Там же.

Провинции и районы, где проходили или размещались японские войска, были превращены в безлюдные пустыни. Японские захватчики выжигали целые деревни, население которых отказывалось снабжать их провиантом и скотом.

Лубенцов посетил Корею после окончания японо-китайской войны 1894—1895 гг. Русский исследователь прошел свыше двух тысяч километров и десятки корейских городов и деревень. Его поразила страшная бедность корейского народа, ужасающее разорение всей страны, вызванное пребыванием здесь японских войск, грабивших, убивавших и уничтожавших всех и все на своем кровавом пути из Кореи в Китай.

Лубенцов видел корейские города, превращенные в груды развалин, заброшенные деревни и незасеянные поля — немые свидетели страшного голода, охватившего всю страну. Он подробно описал виденные им разрушения в городах и деревнях Кореи. Во многих деревнях, насчитывавших по 50—60 дворов и расположенных вдоль дорог, осталось не более половины фанз. Поля не обрабатывались из-за недостатка рабочих рук¹.

В г. Шень-Ихен «несмотря на такое обилие жилых построек — местность имеет пустынный вид, благодаря тому, что много полей не обработано, а фанзы большею частью пустуют»². «В деревне, в 24 верстах от Ычжу, осталось только 160 фанз, но до войны считалось свыше 1000»³.

Экспедиция наблюдала, как «во время свирепствовавшей в 1895 г. холеры в губерниях Пхень-янг и Ычжу многие из жителей бежали на восток в горы и нередко приходилось встречать мужей, которые несли на своих спинах больных жен...»⁴

Русский исследователь, посетивший голодную, разоренную страну, причиной войны считал захватническую политику японских милитаристов и правильно оценивал их колонизаторские замыслы в Корее. Автор пытался вскрыть разбойничьи методы, применяемые японскими капиталистами для подчинения своему влиянию экономики Кореи. По мнению Лубенцова, японцы «не брезгают никакими средствами, лишь бы сделать из Кореи не только рынок сбыта своих произведений, но и японскую колонию, в полном смысле этого слова. На наших глазах происходит день за днем поглощение этой несчастной страны в алчной пасти коварного островитянина»⁵.

¹ А. Г. Лубенцов. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи. Хабаровск, 1898, стр. 140.

² Там же, стр. 142.

³ Там же, стр. 146.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ Там же, стр. 251.

Заключение в 1895 г. Симоносекского договора между Японией и Китаем, формально предоставившего независимость Корее, на деле было использовано японскими захватчиками для дальнейшей колонизации этой страны. Наблюдая положение в Корее после Симоносекского договора, Лубенцов отмечал, что японцы «сделались, фактически, хозяевами в этой стране, подчинив короля своей власти. Они всюду поназначали начальниками округов и губерний... корейцев, душой и телом преданных им и при том частью воспитывавшихся в самой Японии...»¹. «С нашим приближением к деревням,— писал Лубенцов,— жители большею частью покидали свои фанзы и бежали в горы. Оказалось, что они принимали нас за японцев, жалобы на которых приходилось слышать на каждом шагу».

Японские милитаристы очень непрочно чувствовали себя в Корее. «Народ, насколько нам пришлось заметить во время пятимесячного путешествия, глубоко ненавидит японцев»,— писал Лубенцов. Подобное отношение корейского народа к японским захватчикам автор считал вполне закономерным явлением, так как «господство японцев ложится тяжелым бременем на несчастную страну»². Лубенцова возмущало хищническое хозяйничание японских купцов и всякого рода спекулянтов, любителей легкой наживы, наводнивших Корею: «О характере деятельности японских купцов можно судить по тому, что они скупают жатву на корню...»³ Автор приходит к выводу, что «если хозяйничание японцев будет долго продолжаться, то корейское население совершенно обнищает в недалеком будущем»⁴.

Русского путешественника поразило наличие почти в каждом посещенном им городе вражеского гарнизона. Эти сведения являются еще одним доказательством страха захватчиков перед могучей силой, таящейся в корейском народе. Японские агенты и их наймиты из числа предателей корейского народа удерживали власть в Корее только с помощью штыков; только японские солдаты, вооруженные до зубов из американских и английских арсеналов, поддерживали так называемый «порядок» в стране, залитой кровью ее свободолюбивого народа.

Материалы, собранные Лубенцовым, помогают разоблачить агрессивные цели японских захватчиков, пытавшихся превратить Корею в плацдарм для дальнейшей экспансии. Для

¹ А. Г. Лубенцов. Ук. соч., стр. 251.

² Там же, стр. 250.

³ Там же, стр. 252.

⁴ Там же.

выполнения этих планов колонизаторы, в первую очередь, стремились наладить связь и построить железные дороги.

«... Первое, на что обратили внимание японцы (после японо-китайской войны.— Г. Т.), это на улучшение сети путей сообщения... С лихорадочной поспешностью в декабре месяце, несмотря на морозы, прокладывали они линию (телеграфную.— Г. Т.) из Гензана на Север. ...Во многих местах приходилось видеть сотни рабочих корейцев, занятых исправлением дорог, полагаю, что без настояния со стороны японцев этого бы не было»¹.

Лубенцов описывает, как оккупационные власти, силой, в стужу и голод сгоняли тысячи голодных, больных, полураздетых корейцев на строительство дорог, прокладку телеграфных линий. Так, между Вонсаном и Сеулом «для работы были согнаны властями тысячи корейцев, которые на руках перетаскивали телеграфные столбы»².

В отличие от иностранных буржуазных историков, русский исследователь Кореи не старался скрыть от мирового общественного мнения правду о японских зверствах в Корее, о чудовищном разграблении страны японскими войсками и создании там оккупационного режима — режима кровавого террора.

Значение работы Лубенцова не ограничивается разоблачением японской агрессии в Корее. В этой монографии имеются и важнейшие данные по экономике страны, детальные сведения, характеризующие ее внешнюю торговлю. Собранные им материалы свидетельствовали об усилении проникновения иностранного капитала в Корею, о постепенной ее колонизации. Лубенцов подробно описал организацию корейской таможни и привел данные о государственных доходах страны, детально охарактеризовал ее административное деление. Специальная глава его работы посвящена анализу состояния корейского войска. В разделах, посвященных этнографии и быту, говорится о корейском языке, религии, постройках, одежде, пище, напитках, развлечениях, праздниках. В особом разделе изложены сведения о корейском календаре, счете, единицах измерения, системе мер и весов, о денежном обращении.

В главе VI «Производительность страны» приведены довольно подробные данные о полезных ископаемых Кореи, к которым прилагается список разрабатывавшихся приисков. Далее следуют разделы: флора, земледелие, фауна, скотоводство,

¹ А. Г. Лубенцов Ук. соч., стр. 40—41.

² Там же, стр. 86.

ремесла, обрабатывающая промышленность. Материалы, имеющиеся в этой главе, представляют несомненную ценность для изучения состояния сельского хозяйства и зарождавшейся промышленности Кореи.

Так, например, Лубенцов подробно описал корейскую мастерскую (называя ее «чугунолитейный завод») по выделке котлов, расположенную на севере Пхеньянской провинции. Автор высоко оценивал прочность вырабатывавшихся на этом «заводе» котлов¹. В главе VII «Торговля» он иллюстрировал свои выводы богатым фактическим материалом. Кроме того, в книге имеются следующие приложения:

- 1) Таблицы внешней морской торговли за 1886—1893 гг.;
- 2) Русско-корейский договор 1884 г.;
- 3) правила, по которым торговля русских подданных может производиться в Корее;
- 4) тарифы на предметы ввоза.

А. Г. Лубенцов, как и большинство русских путешественников по Корее, с большой теплотой описывал жизнь корейцев. Глубоким сочувствием проникнуты строки, посвященные тяжелому, бесправному положению крестьянства и городской бедноты Кореи. По мнению автора, «бедность жителей в самой Корее зависит, главным образом, от алчности и хищности многочисленных чиновников, которые выжимают все, что только возможно, из подведомственных им жителей»².

Автор подчеркивает исключительное внимание, проявляемое народом Кореи по отношению к русским.

При всех указанных достоинствах работы А. Г. Лубенцова, в ней имеется ряд существенных недостатков, мимо которых пройти нельзя. Эти недостатки связаны, прежде всего, с непониманием характера корейско-китайских отношений до японо-китайской войны 1894 г. В ряде случаев автор смешивает политику Маньчжурского правительства Китая с настроениями самого китайского народа.

В декабре 1895 г. и январе 1896 г. в Корею прибыл русский офицер Альфтан, обследовавший район Восточного побережья между устьем Тумангана и Вонсаном. Свои наблюдения Альфтан опубликовал в работе, озаглавленной «Поездка в Корею ген. шт. подполковника Альфтана в декабре 1895 г. и январе 1896 г.»³.

Так же как и А. Г. Лубенцов, Альфтан посетил Корею в тяжелые для ее народа дни, когда после окончания японо-

¹ А. Г. Лубенцов. Ук. соч., стр. 123—124.

² Там же, стр. 120.

³ «Сборник материалов по Азии», вып. 69.

китайской войны японские колонизаторы стремились укрепить оккупационный режим в стране. Это означало дальнейшее наступление на элементарные права трудового народа Кореи.

Альфтан побывал во многих городах и деревнях Северной Кореи. Повсюду он наблюдал жгучую ненависть корейского народа к японским захватчикам. Материалы, приведенные в работе этого автора, являются интересным источником для изучения освободительной борьбы корейского народа в 1895—1896 гг. Так, например, Альфтан сообщал, что в городе Пукчхэне «Прибывавшие сюда японцы-съемщики обратились к местному куньшу (правитель уезда.— Г. Т.) с требованием отвести им под постой здания. Почтенный куньшу ни за что не согласился дать на это свое согласие... корейцы в большом числе обступили японцев, подсмеивались над ними, ругали их и начали даже бросать в них камнями». «Положение японских съемщиков сделалось здесь настолько опасным, что 8 января сего года из Гензана (Вонсан.— Г. Т.) было послано 30 человек солдат в Пукчхэн в качестве конвоя съемщикам»¹.

Будучи свидетелем антияпонских настроений корейцев, Альфтан отмечал, что «...во всей стране трудно было найти уголок, где бы не говорили о японцах с ненавистью и где на них не сваливали бы вину за все несчастья, которые постигли родину, где бы не горела фанатическая ненависть к этим незванным пришельцам»².

По данным Альфтана ясно видно, что не только городская беднота и крестьянство, но даже и отдельные янбани выступали против японского засилья в Корее³. Автор знакомит читателя с разнообразными формами сопротивления корейского народа ненавистным колонизаторам: убийства японцев, отказ работать на них, массовый уход населения из городов и деревень, захваченных оккупантами⁴.

Альфтан близок к правильной оценке японской захватнической политики в Корее. По его мнению, «вторгшись в страну без всякого с ее стороны повода к тому, японцы, по мере роста своих боевых успехов, постепенно меняют свой взгляд на Корею. Она уже перестала быть для них только страной, в которой происходят первые столкновения японских войск с китайскими. По мере того, как японцы наводнили Корею своими войсками, кулями и торговцами, они уже стали добиваться, чтобы Корея,

¹ «Сборник материалов по Азии», вып. 69, стр. 15—16.

² Там же.

³ См. там же, стр. 67—68.

⁴ См. там же, стр. 67—68 и др.

хотя пока и самостоятельная по имени, стала бы де-факто в подвассальные отношения к Японии. Они требовали, чтобы все административные распоряжения, начиная с самых мелких и кончая самыми крупными, делались с их одобрения. Всем этим они намеревались пропитать страну японским духом, чтобы дальнейшее слияние этих двух народов произошло бы со временем само собой, не прибегая более к открытой силе»¹.

Хотя Альфтан сумел показать основные цели японских милитаристов в Корею, их захватнические методы и колонизаторские планы, но в силу своей классовой ограниченности он сделал ошибочный и совершенно необоснованный вывод о возможности «слияния этих двух народов».

Альфтан подробно описывал, какими мерами японские колонизаторы стремились подчинить всю страну своему влиянию². Он неоднократно подчеркивал, что японо-китайская война принесла только голод и разорение корейскому народу. «Зима 1895—1896 гг. была особенно тяжела для корейского народа. Из опасений, что военные действия продолжатся, много полей осталось незасеянными, во время самой войны поля оставались необработанными... все это тяжело отозвалось на благосостоянии народа и вызвало положение близкое к голоду»³.

Свидетель жгучей ненависти народных масс Кореи к японским захватчикам, Альфтан наблюдал совершенно иное отношение к русским. «Везде,— писал он,— в разговоре (с корейцами.— Г. Т.) совершенно откровенно обсуждалось безвыходное положение Кореи, и корейцы давали полную волю своему нерасположению к японцам и видели свое единственное избавление во вмешательстве России»⁴. Автор приводил много примеров проявления со стороны корейцев знаков внимания и уважения по отношению к нему, как представителю русского народа.

При известии о прибытии русских в каждой корейской деревне сразу же собиралась толпа народа. «Как только мы доходили до фанзы, выбранной под ночлег, многочисленная толпа уже заперужала весь двор,— писал Альфтан.— На каждом ночлеге мы приобретали друга — покровителя, который ... клялся в своей ненависти к японцам и в своей симпатии к русским»⁵.

¹ См. «Сборник материалов по Азии», вып. 69, стр. 69.

² Там же, стр. 69, 70, 71, 72.

³ Там же, стр. 73.

⁴ Там же, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 13—14.

Однажды, вспоминает Альфтан, один из встретившихся на пути корейцев «в самых теплых словах выражал свою радость по поводу встречи с русскими, которых он так любит. Этими простыми и идущими от сердца словами и знаком внимания ко мне как русскому этот кореец глубоко тронул меня и я долго буду вспоминать и благодарить его мысленно за то отрадное чувство, которое я испытывал, беседа с ним»¹.

Автор наблюдал, как «почти в каждом селении верст на 100 от нашей границы» можно было встретить корейцев, хотя бы немного говоривших по-русски и здоровавшихся с Альфтаном. В приветствии каждого корейца ясно было видно искреннее доброжелательство по отношению к русским людям².

Альфтан пытался объяснить причину такого отношения к русским. По его мнению, «Народ на севере (корейцы. — Г. Т.), находясь в постоянных сношениях с нами, уже успел привыкнуть к нам. Много корейцев побывало у нас в Уссурийском крае, заработали здесь кое-какие деньги и, вернувшись обратно к себе, добром вспоминают наш край»³. Со своей стороны, автор высоко отзывался о корейском трудовом народе. «Не легко добывается хлеб в Корее... тут воочию убеждаешься в силе нужды в Корее и трудолюбии корейца. Запихиваются такие крутости, взобраться на которые кажется просто невыносимым, а не то чтобы обрабатывать их»⁴.

В работе Альфтана имеется обильный материал о торговле, состоянии дорог, судопроизводстве, полезных ископаемых, быте и обычаях корейцев. Автор, с одной стороны, выражая свою симпатию угнетенным классам Кореи, в то же время иногда делает неверные выводы, противоречащие приводимым им самим данным о массовом антияпонском движении корейского народа. Так, например, Альфтан утверждал, будто характер корейцев настолько «мягок и гибок», что они «безусловно неспособны проявить себя решительно и энергично, даже когда самые жизненные их интересы попорчены»⁵.

Это было написано, когда еще не утихли отголоски массового крестьянского восстания, потрясшего королевство в 1893—1894 гг., и по всей стране действовали партизанские отряды «Армии справедливости» (Ыйбен)⁶.

¹ «Сборник материалов по Азии», вып. 69, стр. 74.

² См. там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Там же, стр. 45.

⁶ Ыйбен — название партизанского движения против иноземных захватчиков; ййбен — или в переводе добровольческая армия — не

Об освободительной борьбе корейского народа писал не только Альфтан, но и другие русские путешественники.

Как уже указывалось выше, в конце 1895 г. и в 1896 г. Корея была охвачена пламенем всенародного движения против японского оккупационного режима. К сожалению, советские историки располагают до сих пор еще только крайне отрывочными и неполными сведениями об этом важном периоде освободительной борьбы корейского народа. В этих условиях особую ценность приобретают воспоминания полковника Карнеева и поручика Михайлова об их поездке по Южной Корее в 1895—1896 гг.

Экспедиция полковника Карнеева 22 ноября 1895 г. отплыла из Владивостока на пароходе «Хэйнан». 7 декабря путешественники прибыли в Нагасаки и направились в Пусан, а из Пусана в Сеул. Оттуда они двинулись в Кончжю, по дороге посетив порт Инчхон (Чемульпо) и Сувон. Далее экспедиция прошла на крайний юг Кореи в провинцию Чолла, город Начжю и обратно через порт Мосанпхо в Пусан. Всего было пройдено более двух тысяч верст. Путешественники побывали в 72 городах и более чем в трех тысячах деревень.

Карнеев и Михайлов посетили самые отдаленные южные районы страны. Они были в провинциях, охваченных антияпонским восстанием, и явились свидетелями исключительного героизма корейского народа, его беспрдельной любви к родине и ненависти к японским захватчикам. Наряду с интересными сведениями о корейских городах и деревнях, пройденных путешественниками, они нарисовали яркие картины положения в стране после заключения Симоносекского договора и, на основании рассказов корейцев, описали события, происшедшие еще до прибытия их в Корею.

8 октября 1895 г. японскими милитаристами была зверски убита корейская королева Мин, возглавлявшая дворянскую оппозицию Японии. Важно отметить, что Карнеев и Михайлов одни из первых выступили с гневным протестом против этого кровавого преступления японских убийц в дипломатических мундирах, в то время как японские и американо-английские авторы старательно распространяли версию о якобы происшедшем в Корее «местном» инциденте или даже, не входя в объяснения, сообщали, что «внезапно умерла корейская королева»¹.

имела единого руководства, действия ее были стихийны, разрознены; по существу эта армия представляла собой самостоятельно действующие партизанские отряды.

¹ Сидехара Хироси. Тесен сива. Токио, 1932, стр. 11.

Карнеев и Михайлов с возмущением писали о зверском убийстве: «Совершилось событие беспрецедентное по своей наглости. Никогда не бывало, чтобы в мирное время люди чужой нации, под покровительством и даже под руководством своего войска, а может быть и миссии, врываются толпами во дворец короля, убивали королеву, сжигали ее тело и после целого ряда гнусных убийств и насилий самым наглым образом осмеливались отрезать то, что было сделано на глазах у всех»¹.

В работе Карнеева и Михайлова мы находим ценнейшие сведения о действиях партизанских отрядов — «Армии справедливости». Авторы дали яркое представление о размахе народного сопротивления японским захватчикам в 1895—1896 гг., показали численность (хотя и приблизительную) бойцов отрядов Ыйбен и районы действия партизанских отрядов.

Русские авторы воочию увидели, что означает оккупационная политика Японии в Корее, ее колонизаторские методы и приемы. Они подробно описывали всеобщее народное движение за свободу и независимость своей родины, направленное против японских поработителей. С глубоким сочувствием наблюдали они сопротивление, оказываемое корейцами японским захватчикам. «Своими распоряжениями кабинет (прояпонский.— Г. Т.) обнаружил отсутствие такта... он нарушал народные обычаи, формы одежды и проч. Реформы приводят в исполнение насильственно, с жестокостью, которая только озлобляла народ»². Антияпонское движение авторы рассматривали как протест «...людей всех классов... восстание вспыхнуло повсюду»³.

Карнеев и Михайлов не побоялись посетить не только районы, охваченные восстанием, но даже побывали и в штабе партизанского движения, несмотря на лицемерные предостережения американских миссионеров. Русские исследователи Кореи хорошо знали, что ненависть корейского народа направлена против их врагов — японцев и американцев, а не против русских.

По этому поводу Карнеев писал: «Сообразив все до сих пор виденное и слышанное, не предвидя конца разным опасностям, которыми нас пугали, и не желая лишиться возможности видеть Мокпхо, я решил отправить поручика Михайлова

¹ Поездка генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг. «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 53.

² «Сборник материалов по Азии». Вып. 75, стр. 55.

³ Там же.

в Фусан (Пусан.— Г. Т.), а сам через Начжю итти в Мокпхо». В качестве же предосторожности было решено «посылать вперед извещать... что идут русские путешественники»¹. Этого было вполне достаточно, чтобы обеспечить безопасность экспедиции. И, действительно, из штаба Ыйбен выслали специальную охрану для встречи экспедиции. Командир охраны сказал Карнееву, что «... повстанцы высланы начальником встретить русского путешественника, которого просят быть гостем»².

Карнеев подробно описал свои впечатления от посещения им штаба «Армии справедливости» и неоднократно подчеркивал, что единственной целью повстанцев было изгнание японцев. «Я,— писал Карнеев,— выразил полное сочувствие их патриотическим стремлениям»³.

В отрядах восставших царяла строгая дисциплина и организованность, поразившая русских.

Карнеев и Михайлов привели многочисленные факты, свидетельствующие о страхе японских захватчиков перед силами народа, рассказали о героическом наступлении партизанских отрядов на Сеул и паническом отступлении правительственных и японских войск.

Наряду с большим фактическим материалом по истории освободительной борьбы корейского народа в 1895—1896 гг. в работе Карнеева и Михайлова имеются важные сведения о методах проникновения американского империализма в Корею. Известно, что с начала 80-х годов XIX в. из США стали прибывать все в большем числе миссионеры. Замечание В. И. Ленина о том, что европейцы, действовавшие в Китае, «лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства»⁴, целиком относится и к миссионерам в Корее. Американское правительство, возлагая большие надежды на деятельность своей агентуры в Корее, старалось создать для них наилучшие условия. Карнеев и Михайлов отмечали, что «миссионеры (американские.— Г. Т.) хорошо обставлены: пресвитериане получают жалованье: семейные — 1350 американских долларов и 100 долларов на каждого ребенка в год. Кроме того, они имеют квартиры и получают на обстановку, женатые — 600 и холостые 300 долларов»⁵. Карнеев считал,

¹ «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 75.

² Там же, стр. 78.

³ Там же, стр. 79.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 348.

⁵ «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 72.

что американское правительство больше других проявляло «заботу» о своих миссионерах в Корее¹.

Авторы показали тот значительный размах, который приобрела деятельность американских агентов — миссионеров. По их далеко не полным, данным, к 1895 г. эти миссионеры содержали в Сеуле типографию, больницы с аптекой, четыре школы для мальчиков и две — для девочек с пансионом; в Пусане одну школу для мальчиков и больницу; в Вонсане — одну школу для мальчиков и две — женских, в Пхеньяне одну школу и больницу².

В книге имеются приложения, содержащие большой фактический материал о корейских войсках, школах, телеграфах, таможнях, торговле. Излагая свои наблюдения, авторы попутно разоблачали захватническую политику Японии, стремившейся подчинить своему влиянию все отрасли корейской экономики.

Основным серьезным недостатком работ Карнеева и Михайлова, так же как и Альфтана, является то, что все антияпонское освободительное движение корейского народа нередко сводится ими к протесту против отдельных японских «реформ» (изменение мужских национальных причесок, укорачивание полей шляп и трубок). Они не сумели понять сущности и полностью оценить силы освободительного движения корейского народа.

Приводя интереснейшие данные о том, как американские империалисты насаждали свою агентуру для осуществления своих политических притязаний, авторы неожиданно пришли только к такому «невинному» выводу, что США «заботились о своих миссионерах в Корее».

Большой интерес представляют материалы путешествия известного русского писателя — инженера Николая Георгиевича Гарина-Михайловского, одного из русских путешественников-исследователей Кореи в дореволюционное время.

Экспедиция, организованная Гариным-Михайловским, ставила целью географическое исследование страны, главным образом горы Пектусан и истоков реки Амноккан и Сунгари. Научные результаты ее вошли в сводный труд Н. Гарина «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову»³.

¹ «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 73.

² Там же.

³ Н. Г а р и н. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. СПб., 1904, 384 стр.; сокращенное издание под названием «Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову) М., Географгиз. 1949, стр. 402.

Эта работа в части, касающейся Кореи, представляет несомненно большой интерес не только для географов, но и историков, этнографов и даже филологов-корейстов.

С большим художественным мастерством Н. Г. Гарин рисует яркие картины, изображающие жизнь и быт корейцев. С исключительной теплотой и глубокой симпатией автор говорит о трудовом народе Кореи. «Корейцы честные, благородные, умные, культурные». И далее. «Не устаешь перечислять достоинства кротких людей этой нации... И всякий, кто пробудет с ними, не сомневаюсь, полюбит их так же, как полюбили мы»¹.

Гарин неоднократно подчеркивал исключительное гостеприимство корейцев, их ум и правдивость. Корейцы повсюду тепло встречали русских, понимая огромное значение укрепления связей русского народа с Кореей. «Имя русского в Корее священо, — сказал как-то Гарину куншу г. Ычжу. — Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтобы мы не ценили этого. Русский самый дорогой наш гость»². Автор на конкретных примерах показал жгучую ненависть корейского народа к японским захватчикам.

В работе Гарина собран большой, разнообразный материал по фольклору, замечательные корейские легенды и сказки, рассказывающие о произволе продажных королевских чиновников, направленные против короля и его министров. В корейском фольклоре нашли выражение и гневный протест народных масс против феодального гнета и их мечты о лучшей жизни.

Н. Г. Гарина как и других русских, побывавших в Корее, поразила бедность ее населения, отсталость сельскохозяйственной и прочей техники. Однако в рассматриваемой работе Н. Г. Гарин не попытался дать какое-либо объяснение этим явлениям.

* * *

Конец XIX и начало XX столетия характеризуются еще большим обострением борьбы империалистических хищников за разграбление Дальнего Востока.

Русско-японская война, развязанная японскими милитаристами, и последовавшая в 1904 г. оккупация Кореи японскими войсками прервали исследовательские работы русских

¹ Н. Гарин. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. СПб., 1904, стр. 230.

² Там же, стр. 231.

экспедиций. Установление японского протектората (1905—1910 гг.), а вслед за этим и аннексия Кореи японскими милитаристами (1910) сделали совершенно невозможным дальнейшее исследование Кореи русскими учеными.

Наряду с ценнейшим вкладом в востоковедческую науку русских путешественников — исследователей Кореи необходимо отметить и ряд работ, принадлежащих перу тех русских, которые не были в Корее, но сделали много для изучения ее памятников.

Среди этих трудов в первую очередь нужно остановиться на переводе «Уложения законов Кореи», опубликованного в 1889 г. Дмитриевским, русским консулом в Японии. Перевод «Уложения законов Кореи» был сделан Дмитриевским как приложение к запискам о Корее японца Отано Кигаро, переводчика при окружном управлении на острове Цусима. О своей работе Дмитриевский писал: «Для разъяснения и дополнения текста перевода я счел необходимым присоединить к нему подстрочные примечания и указания на разные сочинения о Корее на китайском и европейских языках»¹.

Огромная заслуга Дмитриевского состоит не только в том, что он перевел на русский язык интересные записки Отано Кигаро о Корее, но главным образом в том, что он снабдил эти записки переводом корейского «Уложения Законов», т. е. свода законов Кореи 1785 г.

Этот ценнейший документ является уникальным памятником для изучения социально-экономических отношений новой, а отчасти и средневековой истории Кореи. Заслугу Дмитриевского трудно переоценить, так как сделанный им перевод Уложения Законов проливает свет на самые сложные и почти не исследованные проблемы корейской истории и экономики и позволяет составить примерную картину социально-экономических отношений в Корее в XVIII и первой половине XIX в. Там мы находим важнейшие сведения о формах земледелия и налоговой системе.

Среди работ русских авторов по Корее особое место занимает обширное «Описание Кореи» (в 3-х томах), изданное в 1900 г. министерством финансов и являющееся своеобразной энциклопедией знаний по истории, экономике, географии и этнографии этой страны. В ней содержатся также разделы, в которых изложены данные о населении, государственном устройстве и финансах, о вооруженных силах, администрации, суде и религии.

¹ См. «Зап. Русск. географ. о-ва по общей географии», т. XII, № 4. СПб., 1889.

«Описание Кореи» подготовлено по материалам, собранным русскими исследователями Кореи (Альфтан, Делоткевич, Вебель и др.), и явилось как бы завершением многолетнего труда русских исследователей и ученых, занимавшихся изучением Кореи. Эта работа до сих пор не утратила своего значения для ознакомления с историей, экономикой и географией Кореи.

В первом томе имеется краткий, но насыщенный большим фактическим материалом очерк истории Кореи с древнейших времен до конца XIX в. Автор очерка особенно внимательно изучал новую историю Кореи. Основную причину, явившуюся серьезной помехой на пути упрочения японского влияния в Корее, он видел «в непримиримой национальной ненависти корейцев к японцам». Анализируя японскую политику в Корее, автор обходится без обычных для многих иностранных историков лживых фраз о «цивилизаторской миссии Японии в Корее». Он развенчивает воспетую апологетами империализма захватническую политику японских милитаристов, их «реформы».

В очерке есть сведения о прямой связи американских миссионеров с предателями корейского народа, из числа корейских феодалов, сотрудничавших с японцами. Однако автор не делает из этого никаких выводов.

К числу положительных сторон очерка необходимо отнести то, что, говоря о крестьянском восстании 1893—1894 гг. (восстание тонхаков), автор правильно отметил его антифеодальную направленность. Хотя это определение одностороннее и хотя автор умалчал об антияпонском характере восстания, все же он не пошел по пути английских и американских буржуазных историков, стремившихся свести массовое народное движение к выступлению «какой-то политической партии»¹.

«Описание Кореи» остается наиболее серьезным из трудов по Корее, составленных буржуазными авторами не только в русском, но и в зарубежном востоковедении.

В заключение краткого очерка, характеризующего основные работы русских, посетивших Корею в 80—90 годах XIX и в начале XX вв., необходимо подчеркнуть, что изложенный материал свидетельствует о большой ценности этих работ для изучения истории Кореи и показывает, какой широкий круг проблем по истории Кореи может быть исследован с помощью этих источников. Их изучение должно привлечь внимание советских востоковедов, занимающихся историей Кореи, и стать для них одной из важных исследовательских задач.

¹ См. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1893.